

Dîncă L. Le Christ et la Trinité chez Athanase d'Alexandrie. Paris: Les éditions du Cerf, 2012. 399 p.

В парижском издательстве христианской литературы «Cerf», книги которого постоянно освещаются в разделе рецензий Вестника ПСТГУ, в июне 2012 г. вышла книга, посвященная учению св. Афанасия Александрийского о Христе и Святой Троице. Этот древний церковный автор вполне заслуженно пользуется устойчивым научно-исследовательским интересом. Следует отметить, что в последние 50 лет были заявлены как критические, так и апологетические подходы к александрийскому святителю. Самая серьезная попытка критического пересмотра значения Афанасия принадлежит Эдуарду Шварцу¹. К наиболее заметным представителям апологетического подхода можно отнести Чарльза Канненгиссера². Русскому читателю, возможно, знакома дореволюционная монография, посвященная тринитарному разделу учения Афанасия, принадлежащая архимандриту Кириллу (Лопатину) «Учение св. Афанасия Великого о Св. Троице»³, вышедшая в Казани в 1894 г., однако за давностью лет вряд ли можно говорить о широкой доступности этого исследования. Но именно тринитарное учение Афанасия является тем предметом, за который православие подвергается постоянным нападениям. Достаточно вспомнить Исаака Ньютона, который считал, что именно отсюда начинается отступление христианства от подлинной древней традиции Христова учения, а сторонников Никейского собора именовал не иначе как собранием отступников, последовавших за «тринитарной ересью Афанасия». А между тем для традиционных христианских конфессий — православия и католичества — именно учение Афанасия о Святой Троице лежит в основании кристаллизации истинного христианского Благовестия. Тем самым обращение к одному из корней христианского богословского самосознания представляется неперенным условием осмысленности нашей веры в ее узловом аспекте — неразрывной и непротиворечивой связи учения о Троице с подлинностью и полнотой явления Бога в Боговоплощении.

Предлагаемая вниманию читателя книга принадлежит румынскому католическому священнику Лучиану Дынкэ, специалисту в области патристического богословия, директору Византийской библиотеки и экуменического центра

¹ См.: *Schwartz E. Gesammelte Schriften. Bd. 3. Zur Geschichte des Athanasius. Berlin, 1963.*

² См.: *Kannengiesser Ch. Athanase d'Alexandrie, évêque et écrivain. Paris, 1983.* См. также: *Martin A. Athanase d'Alexandrie et l'église d'Égypte au IVe siècle (328–373). Rome, 1996.*

³ *Кирилл (Лопатин), иеромонах. Учение св. Афанасия Великого о Св. Троице (сравнительно с учением о том же предмете в три первых века). Казань, 1894.*

св. Андрея Первозванного в Бухаресте. Настоящая публикация представляет собой развернутую версию докторской диссертации, подготовленной и защищенной в Канаде в широко известном центре патристических исследований университета Лаваль в Квебеке под руководством выдающегося специалиста по Афанасию Чарльза Канненгиссера, составившего вступительное слово к книге. Своей главной целью автор видит задачу предоставить современному читателю «оригинальный ключ к корпусу Афанасия... который помог бы увидеть его учение о Троице и о Христе в свете единства тринитарной и христологической мысли» (с. 15). Своей условной аудиторией автор называет «западный мир, в котором до сих пор не осознана вся важность и безграничное богатство мысли Афанасия Александрийского о христианском исповедании Единого и Троичного Бога» (с. 323).

Книга состоит из пяти частей, которые последовательно раскрывают основной тезис Дынкэ о взаимозависимости и взаимодополнительности тринитарного и христологического учений у Афанасия. Автор широко пользуется термином «тринитарный христоцентризм», который обоюдно обосновывает триадологию, христологию и сотериологию. Этому концепту автор придает значение ключа ко всей мысли и учению св. Афанасия. Первая часть посвящена теме откровения Троицы в Слове Воплощенном; вторая — вопросу идентичности Лиц Святой Троицы (проблема индивидуального в Троице); третья подходит к этой же проблеме со стороны общности Лиц и корреляции их свойств; четвертая рассматривает божественные исхождения Сына и Святого Духа; наконец, пятая предлагает обзор библейских аргументов Афанасия и его тринитарных аналогий (солнце — луч — свет; источник — река — вода). Книга завершается заключением, а также содержит в виде приложения авторский (первый) перевод трактата Афанасия «О постановлениях Никейского Собора» на французский и избранную библиографию.

Л. Дынкэ строит свое исследование в систематическом ключе, отдавая предпочтение синхронии перед диахронией, как если бы корпус наследия Афанасия сложился сразу целиком и возникновению отдельных сочинений не были присущи определенные обстоятельства. В монографии опущен обзор сочинений великого александрийца с прорисовкой исторического и биографического контекста, в которых они возникали, что несколько упрощает истинную картину. Краткие упоминания об обстоятельствах и времени составления тех или иных сочинений Афанасия он опускает в сноски, содержащие также указания на самую современную исследовательскую литературу. Единственное постоянное исключение автор делает для предшественников Афанасия в богословии, мнения которых по всякому поводу подробно разбирает.

Внимательное и многолетнее изучение текстов св. Афанасия дает возможность автору делать замечательные наблюдения. Например в том, что касается центрального вопроса всего исследования, а именно прямой связи тринитарной доктрины Церкви и учения о Боговоплощении: «История Иисуса из Назарета была историей Бога» (с. 27), поскольку причастность Спасителя Божеству всегда оставалась неотторжимой от Отца. Или другое замечание: «Бог по своей онтологии есть любовь» (с. 331), — заключает автор, поэтому Афанасию удается говорить о трех Божественных Лицах, не разделяя их единства.

Вызывает вопросы порою вольное обращение автора с богословской терминологией и несоблюдение существующих правил цитирования. Так, работая с основной тринитарной терминологией *сущности* и *ипостаси*, он предпочитает французские эквиваленты *substance* для первого и *subsistant* для второго без специальных оговорок, хотя во французской традиции более распространен способ перевода *ипостаси* через *hypostase*. Цитируя французский перевод 236-го письма св. Василия Великого к св. Амфилохию, сделанный И. Куртоном, Л. Дынкэ допускает неточное цитирование, заменяя авторское *hypostase* собственным *subsistant* (с. 72).

Оставив вне поля исследования вопросы происхождения технической терминологии и концепций Афанасия, Л. Дынкэ зато имеет возможность более подробно представить богословский фон мысли великого александрийца. В этом отношении его исследование не ограничивается лишь предысторией мысли Афанасия, но предлагает также содержательные экскурсы в поздневизантийское богословие. Так, в связи с пневматологией Афанасия он излагает рецепцию его идей Никифором Влеммидом и свт. Григорием Паламой. Причем автор показывает, что мысль Афанасия допускала различное прочтение — как умеренное примирение роли Сына и Духа у Никифора, так и крайне монархическое возведение первенства к одному Отцу у Григория.

Как главный результат исследования Л. Дынкэ предлагает сжатую формулу всего Афанасиева богословия, которая определяется как «тринитарный христосцентризм». Как замечает автор в конце своего весьма подробного обзора и анализа богословского наследия св. Афанасия, как бы в ответ на обвинения Ньютона, а гораздо позднее и Гарнака, в искажении чистого христианства «тринитарной ересью», за которую несет ответственность в первую очередь именно Афанасий, «александрійский епископ не вводит ничего нового в христологическое и тринитарное богословие, но лишь дает продолжение, порой весьма оригинальное, греческой патристической мысли своих предшественников». К ней Дынкэ относит прежде всего александрийцев великой эпохи этой традиции — с конца II по середину III в. — Климента и Оригена, а также старших современников Афанасия — Александра Александрийского, Евсевия Кесарийского и Маркелла Анкирского. Вклад Афанасия Дынкэ оценивает, опираясь на утверждение Р. Хэнсона о том, что вплоть до 355 г. практически ни один греческий богослов не мог избежать субординатизма в описании отношений Сына и Отца за единственным исключением Афанасия (с. 16). Главными завоеваниями православного богословия в IV в. в лице Афанасия Дынкэ называет переход от *икономии* к *теологии* и формирование богословия божественных отношений («перихоресис» и корреляция личных свойств, см. с. 331). Автору удается убедительно увязать двойную перспективу Афанасиева богословия: Христос может нам открыть тайну Святой Троицы только будучи истинным Богом, и только будучи истинным человеком он может обожить человека.

*П. Б. Михайлов
(ПСТГУ; ИФ РАН)*